

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматриваются различные концепции лексикографического подхода к проблеме лексических параллелей в новых жанрах лексикографии – двуязычных учебных и культуроведческих словарях (на материале немецкого и русского языков). Анализируются тенденции лексикографической кодификации лексических параллелей. Обсуждаются принципы семантизации и перевода лексических единиц с позиций современной межкультурной коммуникации.

Современное оживление внимания к лексикографическим вопросам лингвистических исследований связано с развитием новых лексикографических жанров в межкультурном контексте. Интенсивное развитие словарей, особенно таких актуальных сегодня направлений, как двуязычная учебная и культуроведческая лексикография, заставляет лингвистов обратиться к проблемам, которые новыми для лексикографических описаний не являются, однако требуют новых подходов для успешного решения в современных условиях. Одна из таких проблем – проблема лексических параллелей – связана с описанием семантики лексических единиц средствами иностранного языка, в которой, как справедливо считает В.Д. Девкин, «сталкиваются» многие вопросы теории и практики [Девкин, 1994, с. 20]. Она фокусирует теоретические интересы различных сфер лингвистических исследований – семантики, лексикологии, лексикографии, переводоведения, лингвокультурологии, когнитивистики, а также лингводидактики.

Лексический параллелизм как лингвистическое явление исследуется на материале различных пар языков, в частности, в конфронтативной и контрастной лингвистике [см., например: Девкин, 1997; Гак, 1989; ср.: Дубичинский, 1993]. Начиная с двадцатых годов XX века один из аспектов этого явления выступает в качестве объекта лексикографического осмысления в широко известном сегодня жанре словарей «ложных друзей переводчика» [см.: Готлиб, 1972, с. 436]. В межкультурной коммуникации злободневность данной проблематики усиливается тем фактом, что нарушение лексического параллелизма и проникновение лексических псевдоэквивалентов в словари, которые создаются для учебных, справочно-информационных, культуроведческих целей, могут быть квалифицированы с точки зрения социокультурных сбоев и коммуникативных неудач. Соответственно их изучение связано не только с теоретическими исследованиями, лексикографической, но и учебной практикой.

Особо актуальной эта проблема является в связи с развитием лексикографических жанров, которые ставят своей задачей описание культурологического компонента информации для учебных целей [ср.: Колесникова, 2001; Колесникова, 2002]. С одной стороны, предметом изучения в таких словарях становятся понятия, реалии и единицы, которые раньше как объекты лексикографического описания не мыслились. Это предполагает разработку специальной методики их лексикографирования [ср.: Колесникова, 2002а; 2002б]. С другой стороны, как это ни печально, данные словари, акцентируя культурный компонент в значении слова и его лексикографической презентации, зачастую не учитывают существующий опыт: либо не принимают во внимание то, что уже хорошо разработано в традиционной двуязычной лексикографии, либо, выделяя один аспект – культурологический, игнорируют значимость его взаимосвязи с другими сторонами лексикографического описания слова, такими, как, например, его многозначность или стилистическая маркировка.

Детально изученное в лексикографии явление многозначности оказывается серьезной проблемой для культуроведческих словарей. Так, в лексикографической концепции Л.Г. Ведениной, с одной стороны, постулируется положение о том, что в лингвострановедческом словаре должны получать отражение не все значения культурно коннотированного слова, а лишь те из них, которые имеют данные коннотации [ср.: Веденина, 1997]. Это совершенно справедливо. Однако, как показывает практика, с другой стороны, игнорирование одного из значений при лексикографическом кодировании может привести к лексическому псевдопараллелизму. Например¹, немецкое слово *Gemeinde* (*f*) (в одном из основных значений) дефинируется как «unterste Verwaltungseinheit des Staates», «das kleinste Gebiet eines Staates, das seine eigene Verwaltung hat», то есть «нижшая (наименьшая) административная единица», которая, как представ-

¹ Все примеры – здесь и в дальнейшем – из указанных словарей на материале немецко-русских лексических параллелей (см. Список использованных словарей).

ляется, может выступать в качестве эквивалента распространенного в последнее время в нашей действительности «муниципального образования». Большинство двуязычных учебных и лингвострановедческих словарей предлагают для данного слова переводной эквивалент «община». В русском языке слово «община» не имеет указанного значения – «муниципальное образование». В результате получить представление об одном из основных значений слова *Gemeinde* (которое, важно для понимания многочисленных культуроведческих и страноведческих контекстов) из материалов отечественных учебных словарей, в том числе и лингвострановедческих, в которых оно фиксируется, оказывается практически невозможным. Аналогично сужение значения при поиске переводческого эквивалента в подобных словарях не всегда представляется оправданным: когда, например, *Meldepflicht* (*f*) в однозначной интерпретации словаря переводится как «прописка», а *Eintopf* (*m*) – как «обед из одного блюда». Изменение стилистического регистра при переводе также ведет к нарушению лексического параллелизма, в результате которого, например, *Nothilfestelle* (*f*) превращается в «ночлежку». При этом, как видно на данном примере, степень сниженности лексической единицы существенно влияет на дифференциацию коннотативного фона.

Лексические параллели в словарях связаны с несколькими видами лексикографических подходов к данной проблеме. Это, во-первых, лексикографическая разработка адекватных лексических параллелей – эквивалентов – сложная, однако, вполне успешно реализуемая в исследованных словарях задача, основанная на существующих лексикографических традициях, например: *Abgeordnetenhaus n* – палата депутатов; *Anfrage f* – запрос; *Reichskanzlei f* – имперская канцелярия: резиденция канцлера в фашистской Германии.

Во-вторых, это «элиминирование» проблемы лексического параллелизма, которое ведет к отсутствию отражения параллелей в словарях. Оно может быть вызвано различными причинами, при этом не в последнюю очередь – консервативностью словарей, их отставанием от развития семантической структуры слова, игнорированием факта новых значений слова. Например, отечественные учебные словари не фиксируют лексических параллелей для такого актуального значения немецкого слова *Senior* (*m*) как «ein alter Mensch: besonders ein Rentner» (уже не говоря о лексикографическом описании его богатого коннотативного фона в современном культурном контексте, ср. сведения из: *Lexikon der aktuellen Begriffe*, 1997).

В истории переводной лексикографии, как известно, был такой период, когда лексический параллелизм рассматривался как нечто само собой разумеющееся, а явления безэквивалентности для авторов и составителей переводных словарей вообще не существовало, его не замечали. Об этом, в частности, пишет Ю.К. Якимович. Обосновывалось это тем предположением, «что системы понятий всех языков одинаковы» [Якимович, 1979, с. 172]. В современной межкультурной коммуникации параллельно с изменениями характера, стиля, объема общения и расширением межкультурного пространства представление лексических единиц в переводных словарях требует такого подхода, который мог бы способствовать, с одной стороны, адекватному отражению особенностей их семантики и культурной специфики, а с другой стороны, реально помог бы найти адекватные языковые средства для перевода в иной культурный код и другую языковую систему. При этом речь идет не только о проблеме передачи реалий и слов, которые национально маркированы и культурно самобытны, но и тех лексических единиц, которые обычно считались «простыми» [ср.: Горелов, 1998].

Современная лексикография, таким образом, подошла к необходимости изучения наиболее сложных проблем *динамики* в сфере лексического параллелизма, которые определяются потребностями современной межкультурной коммуникации. Итоги проведенного изучения словарей (см. список использованных словарей) отражают две тенденции, проявляющиеся в тех случаях, когда словарь, не уходя от решения проблемы, обеспечить полный параллелизм не может.

С одной стороны, это тенденция к лексикографической разработке и кодификации паллиативных вариантов перевода (прежде всего, реалий). В результате действия этой тенденции в словарях отражаются лексические параллели-паллиативы, то есть фиксируются варианты неполных, приближенных лексических параллелей, которые нельзя признать однозначно удачными. Однако они вполне приемлемы и в силу комплекса причин более предпочтительны, чем другие варианты. Например, они не сопровождаются национально маркированными коннотациями и стилистически нейтральны, поэтому их можно рассматривать как кодифицированные паллиативы для данного этапа развития процесса межкультурной коммуникации. В качестве примера паллиативных вариантов можно рассматривать, в частности, переводы таких немецких реалий как *Weihnachtsmann m*, *Weihnachtsabend m*, соответственно, как «рождественский дед» и «канун Рождества».

Паллиативы, как показывает анализ словарей, связаны с реализацией такого подхода в лингвострановедческой и культуроведческой лексикографии, который основывается на принципе сопоставления в изучении элементов культуры по аналогии с изучением элементов языковой системы, предложенного Р. Ладом [Ладом, 1989]. Как заметил В.Г. Гак, «в каждой внеязыковой реалии мы можем обнаружить асимметрию формы и содержания, аналогичную той, которая выявляется в языковом знаке» [Гак, 1989, с. 16]. Результатом такого подхода являются различные комбинированные формы объяснительных переводов и сопровождающих их культурологических комментариев, изъяснений и вербальных визуализаций в словаре на языке перевода, например: *Firmungsuhr f* – часы ко дню конфирмации. Первые в жизни часы, которые конфирмант по традиции получает в день конфирмации от своего крестного; *Gretchenfrage f* – принципиальный, жизненно важный вопрос, вопрос Маргариты (Гретхен) из «Фауста» Гете: «Nun sag: wie hast du's mit der Religion?» «Как обстоит с твоею верой в Бога?»

Другая тенденция в лексикографии характеризует появление лексических псевдопараллелей, которые можно квалифицировать как один из видов «отрицательного языкового материала» (по терминологии Л.В. Щербы) [Щерба, 1974]. В результате действия этой тенденции в лексикографических изданиях фиксируются лексические «псевдоэквиваленты». Их отражение, несомненно, противоречит нормативному статусу словаря. Однако поскольку появление «псевдоэквивалентов» в рассматриваемых жанрах словарей вызвано динамикой взаимодействия различных языковых систем и культур, то их анализ заслуживает особого внимания. В исследованиях по межкультурной коммуникации подчеркивается, что ее особенности «наиболее ярко проявляются при анализе отрицательного материала, т. е. коммуникативных сбоев различного типа...» [Гудков, 2003, с. 54].

Как показывает анализ существующих псевдоэквивалентов в словарях, они могут иметь эксплицитный и имплицитный характер. Эксплицитно выраженные псевдоэквиваленты возникают чаще всего (если воспользоваться терминологией, разработанной в исследованиях В. Д. Девкина) в результате «фетишизации» различного уровня (ср.: фетишизм денотативный, этимонный, коннотативный, словообразовательный) [Девкин, 1984]. Следствием такого фетишизма являются, например, многочисленные «буквализмы», зафиксированные в словарях: «энергетические каникулы», «голубое письмо», «погодная лягушка», «стол для кошки» и т. п.

(ср. их семантику: *Energieferien, blauer Brief, Wetterfrosch, Katzentisch*). Детально подобные явления систематизированы в различных переводоведческих концепциях. При этом ошибки, которые провоцируются «ложными друзьями переводчика» (и, как выясняется, не только ими), о которых так много написано, как справедливо отмечает Л.К. Латышев, весьма живучи. Л.К. Латышев определяет «ложные лексические параллели» как «лексические единицы исходного и переводящего языков (ИЯ и ПЯ), имеющие, с одной стороны, яркое поверхностное сходство, а с другой стороны, существенно отличающиеся друг от друга в функционально-семантическом плане» [Латышев, 1994, с. 88].

Имплицитные формы лексических псевдопараллелей могут быть выявлены на основе специального анализа, основанного на лингвокультуроведческом подходе. Их особенность заключается в латентном характере их семантической псевдоэквивалентности. Например, распространенный в проанализированных словарях эквивалент немецкого слова *Zentner* – русское слово «центнер». Несмотря на то, что этот перевод дополняется комментарием, указывающим на разницу между объемами данных понятий в русском и немецком языках, ситуация не так проста, как может показаться на первый взгляд. Она осложняется тем, что в русском языке у этого слова, по данным, например, толкового словаря иноязычных слов Л.П. Крысина, есть значение «единица массы в некоторых странах, равная 50 фунтам; в Германии, Венгрии, Дании – 50 кг». Это значение, однако, не всегда бывает известно читателям. В результате данное слово, функционирующее в переводе художественного текста на русский язык и не снабженное особым комментарием переводчика, следует квалифицировать как псевдоэквивалент, который может быть причиной неадекватного восприятия и ложной оценки реально описываемой ситуации [ср.: Deutschland..., 1997, S. 78-79]. При этом следует заметить, что в немецком языке переводным соответствием традиционному русскому «центнер» будет слово *Doppelzenter*, а немецкий *Zentner* может быть переведен как «получентнер» (что, кстати, рекомендуют традиционные немецко-русские двуязычные словари). Список аналогичных примеров из словарей, к сожалению, практически не ограничен.

Другой разновидностью латентной формы псевдоэквивалентности является, на наш взгляд, использование в качестве лексических параллелей особых групп лексики, таких как агнонимы, а также реалионимы, мифонимы русского языка, то есть такие слова, которые по терминологии В.В. Кабак-

чи могут быть определены как идионимы, то есть «свои» реалии и «своя» безэквивалентная лексика (по отношению к чужой культуре) [см.: Кабакчи, 2002, с. 561-562]. С этой точки зрения, в частности, вызывает сомнение параллелизм таких национально коннотированных реалий, который рекомендуется в некоторых словарях, как, например, *Weihnachtsmann* – Дед Мороз, *Weihnachtsabend* – сочельник, *Weihnachtszeit* – святки. С одной стороны в настоящее время для этих понятий существуют нейтральные паллиативные варианты (см. выше), которые не вызывают культурно коннотированных ассоциаций и образов. С другой стороны, такие слова, как «сочельник» и «святки», характеризуются в современном русском языке как агнонимы, то есть единицы, которые «неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям» [Морковкин, Морковкина, 1997, с. 86]. К этой же группе можно отнести слова, употребление которых ограничено определенным социокультурным контекстом, например, «поминальник» (*церк. книжка, небольшая тетрадь со списком имен для поминания, поминовения в церкви*), который в результате псевдоэтимологизации предлагается в качестве эквивалента немецкого слова *Bildstock* (ср. толкование: (südd., österr.) *im Freien auf einem Pfeiler od. Sockel angebrachtes Kruzifix od. Heiligenbild; Marterl*). Не менее вескими для перевода представляются аргументы относительно учета значимости национального колорита лексической единицы, что важно иметь в виду, например, при переводе немецких народных и религиозных праздников (ср. предлагаемые варианты: *Pfingsten* – Духов день, *Himmelfahrt Maria* – Успение Богородицы), немецких персонажей сказок (*Meister Petz* – Топтыгин, *Reinecke Fuchs* – Лиса Патрикеевна) и т. п.

И, наконец, особо следует указать на такие случаи, которые могут быть квалифицированы как «ложные» паллиативы. Особенность данных лексических параллелей состоит в том, что их кажущийся паллиативный характер как бы «нивелирует» скрытую деформацию смыслов. В действительности данные смыслы вполне сопоставимы с реальностью, ср.: *Krankenkasse (f)* – «больничная касса» (в современном российском обществе: организация, учреждение, занимающиеся медицинской страховкой), *Kinderdorf (n)* – «детская деревня» (сегодня: разновидность семейного детского дома), *Eins (f)* – «единица» (хотя, как правило, этот перевод дополняется пояснением типа «школьная отметка «очень хорошо» («sehr gut»); соответствует отметке «5» в российских школах»).

Объем статьи ограничивает возможности более подробного анализа примеров лексических

псевдопараллелей и методики их установления. Однако особо следует остановиться на вопросе о принципах предварительной подготовки материалов для учебных словарей. Перед включением единицы в словарь необходимо соблюдать принцип комплексной параметрии (*totale Dimensionalität*), на который особо указывает В.Д. Девкин. Данный принцип предполагает «подвергать слово перед его включением в словарь или подачей в учебных целях полному учету его объективных и лексически-структурных возможностей», а также устанавливать «его понятийные и формально-словесные связи» [Девкин, 2001, с. 57]. Кроме того, существенным является обеспечение многомерной равноценности параллелей при переводе по таким линиям, которые для лексической единицы также выделены и описаны В.Д. Девкиным (правда, по отношению к разговорному слову, но, как показал анализ, с полным основанием они могут быть общими критериями для переводческих эквивалентов других групп лексических единиц в словарях). Это: денотативная семантика, разнообъемность понятия, градуальная характеристика, оценка, социолектная специализация, степень сниженности, внутренняя форма, возраст слова, структурный параллелизм (частеречная принадлежность, семантика), этическая окраска, эстетика слова, комизм, узуальный ассоциативный фон [Девкин, 1994, с. 21].

В случае отсутствия прямых лексических параллелей при переводе особо возрастает роль таких лексикографических параметров, которые помогут в известной степени «компенсировать» это отсутствие. В первую очередь это словарное толкование, дефиниция, а также экзemplарно-иллюстративный и остенсивный (картинный) параметры. Эффективность «компенсирующей» роли остенсивного параметра очень хорошо иллюстрирует пример со словом *Chaiselongue*, которое толкуется в некоторых словарях как «легкое раздвижное кресло для отдыха», однако картинкой иллюстрируется как кушетка, что и соответствует действительности [ср.: Девкин, 2000, с.321].

Еще одной продуктивной идеей является принцип предметной соотнесенности, предложенный И.Н. Гореловым. Сопоставительные параллели с учетом предметной соотнесенности позволяют обнаружить различия, к сожалению, как правило, эксплицитно и вербально в лексикографии не представленные. В качестве иллюстрации И.Н. Горелов предлагает ввести в двуязычные словари нового типа объяснительно-сопоставительные описания семантики «простых» слов наряду с их визуализацией (в качестве примера иллюстрируются: дом, дверь, окно, копилка, варить и есть яйца, почто-

вый конверт, компот, пижама, пивная кружка) [Горелов, 1998]. Одновременно становится очевидной неразрывная связь лингвистических и культуроведческих аспектов в лексикографических описаниях такого типа.

Предложенный в настоящей работе анализ лексикографических концепций отражения в словарях одного из аспектов проблемы межъязыковой эквивалентности позволяет сделать вывод о том, что поиски адекватных лексических параллелей при их кодификации в учебных целях должны основываться на параметрическом и культуроведческом подходах. Преимущество подобно-

го ракурса исследования состоит в том, что он позволяет дать обобщенную модель решения проблемы лексического параллелизма в лексикографии. Разработка принципов комплексной параметрии, предметной и культурной соотнесенности при семантизации единиц, включаемых в словари новых жанров, совершенствование методики их вербальной визуализации с учетом межкультурной перспективы – все это способствует более глубокому проникновению в семантическую природу переводящего слова и будет, несомненно, иметь большое значение для учебных словарей и лингводидактики.

Список использованной литературы:

1. Веденина, 1997 – Веденина Л. Г. Послесловие // Франция. Лингвострановедческий словарь. М., 1997. С. 1023-1033.
2. Гак, 1989 – Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М.: Прогресс, 1989. С. 5-17.
3. Горелов, 1998 – Горелов И.Н. О двуязычных словарях нового типа // Лексика и лексикография. Вып. 9. М., 1998. С. 33-37.
4. Готлиб, 1972 – Готлиб К. Г. М. О словаре «ложных друзей переводчика» // Готлиб К. Г. М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М.: Рус. яз., 1972. С. 436-448.
5. Гудков, 2003 – Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
6. Девкин, 1994 – Девкин В. Д. Специфика словаря разговорной лексики // Немецко-русский словарь разговорной лексики. М.: Рус. яз., 1994. С. 12-29.
7. Девкин, 1997 – Девкин В. Д. Неконтрастивные явления контрастивной лексикологии // Ars transferendi: Sprache, Übersetzung, Interkulturalität. Festschrift für Nikolai Salnikow zum 65. Geburtstag / Huber D., Erika Worbs (Hrsg.). Peter Lang, Europäischer Verlag der Wissenschaften, 1997. S.273-281.
8. Девкин, 2000 – Девкин В. Д. Очерки по лексикографии. М.: Прометей, 2000.
9. Девкин, 2001 – Девкин В. Д. Традиционные недоработки лексикографической подачи полисемии // V. Devkin (Hrsg.). Beiträge zur deutschen Wortkunde des Lehrstuhls „Deutsche Lexik und Phonetik«. Moskauer Pädagogische Staatsuniversität. Wolfgang Müller zum 80. Geburtstag. М.: Прометей, 2001. С. 57-59.
10. Дубичинский, 1993 – Дубичинский В.В. Лексические параллели. Харьков, 1993.
11. Кабакчи, 2002 – Кабакчи В. В. Закономерности языка межкультурного общения // The Dictionary of RUSSIA. СПб.: Издательство «Союз», 2002. С. 561-567.
12. Колесникова, 2001 – Колесникова М.С. Проблемы эквивалентности и адекватности перевода в лингвострановедческих словарях // Перевод: язык и культура. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 58-59.
13. Колесникова, 2002 – Колесникова М.С. Проблемы отражения семантизации мира и культурных концептов в немецкоязычной лексикографии // Язык. Человек. Культура. Смоленск: СПГУ, 2002. С. 87-93.
14. Колесникова, 2002a – Колесникова М.С. Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания (Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации). М.: Рудомино, 2002. С. 28-36.
15. Колесникова, 2002 – Колесникова М.С. Методологические проблемы лексикографического анализа в гендерных исследованиях // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». М.: МГЛУ, 2002. С. 207-214.
16. Латышев, 1994 – Латышев Л.К. К проблеме переводческих ошибок // Перевод и лингвистика текста. М.: ВЦП, 1994. С. 87-95.
17. Морковкин, Морковкина, 1997 – Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). – М., 1997.
18. Щерба, 1974 – Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
19. Якимович, 1979 – Якимович Ю.К. Очерки истории переводной лексикографии в России // Переводная и учебная лексикография. М.: Рус. яз., 1979. С.149-175.
20. Deutschland in kleinen Geschichten/ Hrsg. von Hartmut von Hentig. Немцы о себе и о Германии. – München, 1997.

Список использованных словарей:

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2001.
2. Готлиб К.Г. М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика». М.: Рус. яз., 1972.
3. Козырева И.В. Немецко-русский словарь-справочник по искусству. М.: РУССО, 2002.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2002.
5. Куликов Г.И., Мартиневский В.И. Страноведческие реалии немецкого языка. Минск: Выш. шк., 1986.
6. Куликов Г.И., Мартиневский В.И., Ладисов А.И. Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь. Минск: Выш. шк., 2001.
7. Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. Лингвострановедческий словарь. М.: Русские словари, 1998.
8. Мальцева Д.Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. М.: «Азбуковник», «Русские словари», 2002.
9. Муравлева Н.В. Австрия: Лингвострановедческий словарь. М.: Метатекст, 1997.
10. Немецко-русский словарь (основной). М.: Русский язык, 1992.
11. Новый немецко-русский словарь-справочник. Минск: ООО «Асар», 2001.
12. Школьный немецко-русский страноведческий словарь: Германия, Австрия, Швейцария. М.: Дрофа, 2001.
13. Devkin V.D. Wörterbuch der Realien des deutschen Alltags // Девкин В.Д. Очерки по лексикографии. М.: Прометей, 2000 S. 245-255.
14. Duden. Deutsch als Fremdsprache. Mannheim et al.: Dudenverlag, 2002.
15. Duden. PC-Bibliothek, 2000.
16. Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1978.
17. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin et al., 2002.
18. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Bertelsmann, 1980/1981.
19. Lexikon der aktuellen Begriffe. Stuttgart et al., 1997.